

КИНОПРЕМЬЕРА МИРОВОГО МАСШТАБА

A decorative gothic arch frame with intricate tracery and a central sunburst motif. The frame is rendered in a dark, textured style, possibly wood or stone, and surrounds the text.

Нэнси Холдер

БАГРОВЫЙ
ПИК

Москва
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(4Coe)-44
X71

Nancy Holder
CRIMSON PEAK

This translation of *Crimson Peak*, first published
in 2015, is published by arrangement with
Titan Publishing Group Ltd.
© 2015 Legendary

LEGENDARY

Дизайн *А. Саукова*

Холдер, Нэнси.

X71 Багровый пик / Нэнси Холдер; [пер. с англ.
А. С. Петухова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. —
320 с. — (Кинопреьера мирового масштаба)

ISBN 978-5-699-85334-2

Призраки былых злодеяний оживают в новом шедевре несправ-
ленного мастера кошмаров Гильермо дель Торо!

Старый дом, полный скрипов и сквозняков, призрачных оби-
тателей и зловещих тайн. Здесь засохшая кровь навсегда вьелась
в пол, а ужас и ненависть поколений пропитали стены. Здесь не-
винная улыбка молодого английского лорда скрывает ядовитую
ложь, а юной невесте вместо любви уготованы лишь предатель-
ство, мука и гибель...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Петухов А.С., перевод на русский язык,
2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-85334-2

«Любовь глядит не взором, но душой».

Уильям Шекспир, *Сон в летнюю ночь*

Пролог

Настоящее

Любовь.

Смерть.

Призраки.

Мир, омытый кровью.

Кровавый туман опускался на место убийства, а потом медленно стекал по пустым и высохшим шахтным выработкам к красной глине, которая пузырилась и лопалась на мерзкой плитке цвета белой кости. Земля багрового цвета пробивалась сквозь грязь. Аллердейл Холл был окружен ярко-красным пятном, которое медленно подбиралось к босым ногам Эдит.

Но это было еще не самое страшное.

За ней должно было прийти дитя ада. Неумолимое и неостановимое существо, полное безумия и ярости, которое уже калечило и убивало, и будет и дальше калечить и убивать, если только Эдит не нанесет удар первой. Но она была слаба, кашляла кровью и поминутно спотыкалась, а этот монстр уже успел забрать жизни других людей — и их души, которые были сильнее и искреннее, чем ее.

Снежинки слепили распухшие глаза Эдит василькового цвета; красные капли блестели на ее золотых волосах. На ее правой щеке зияла открытая рана; подол ее тонкой ночной рубашки был пропитан кровью и гнилью и стал заскорузлым от подсыхающих сгустков крови.

И красной глины.

Припадая на поврежденную ногу, она медленно двигалась по кругу, и лопата, прижатая к ее груди, двигалась в унисон со скрежетом механизма, созданного для того, чтобы отбирать у земли ее богатства. Бряцающего железом хитроумного устройства, которое все еще могло уничтожить ее.

Эти звуки оглушали ее, пока она готовилась к своей последней битве. Ее сердце время от времени сбивалось с ритма, и тогда к горлу подступала тошнота. Лоб девушки был покрыт каплями пота, а все внутренности превратились в единый ком. Ее кости болели, а мышцы мелко дрожали, поэтому передвигалась она с большим трудом.

Везде, куда она ни бросала взгляд, Эдит видела только тени — красные на красном и на красном. Если она выживет, она что, тоже присоединится к ним? Она что, вечно будет бродить по этому проклятому месту, охваченная яростью и страхом? Это совсем не то место, где стоит умирать.

Призраки существуют в реальности. Теперь я точно это знаю.

Она знала гораздо больше. Если бы только она догадалась соединить фрагменты этой жестокой истории чуть раньше, если бы она обращала внимание на предостережения и следовала по пути, который ей указывали... Она уже заплатила ужасную цену за то, чтобы узнать правду, но теперь ее и человека, который столь многим рискнул ради нее, ждал окончательный расчет.

Скрытая снегопадом и багровым туманом, девушка мельком увидела бегущие ноги. Черенок лопаты, которую она неуклюже сжимала, был скользким от крови. Колено невыносимо ныло, и она смертельно замерзала, однако внутри у нее все горело — Эдит удивлялась, почему у нее изо рта еще не идет дым.

Задыхаясь, она отступила назад и резко повернулась, обшаривая глазами окрестности. А потом время внезапно остановилось и ее сердце замерло, когда у нее перед глазами появилась пропитанная кровью материя и босые ноги, хлюпающие в кровавой грязи по направлению к ней. Острое лезвие, пальцы, покрытые кровью, и ярость, которая их направляет. Смерть больше не приближалась.

Она уже была здесь.

И она мысленно вернулась к тому, что привело ее, Эдит Кушинг, сюда, чтобы она могла с ней сразиться.

Однажды, давным-давно...

Книга первая

**МЕЖДУ СТРАСТЬЮ
И ТЬМОЙ**

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло,
гадательно, тогда же лицом к лицу, теперь знаю я от-
части, а тогда познаю, как я познан...

*Первое послание к Коринфянам святого
апостола Петра 12:13*

Глава первая

Четырнадцать лет назад, Буффало, штат Нью-Йорк

*Впервые я увидела призрака, когда мне было десять лет.
Это был призрак моей матери.*

В тот день, когда тело матери Эдит Кушинг было предано земле, шел снег. Свинцовое небо плакало большими, влажными хлопьями. Окружающий мир был бесцветным. Одетая в знак глубокого траура в черное пальто и шляпу, которая обрамляла ее бледное как бумага лицо, маленькая Эдит робко жалась к ногам своего отца. Остальные присутствовавшие на похоронах были одеты в черные цилиндры, тяжелые черные шали, темные пальто и перчатки. Драгоценности, видневшиеся в волосах присутствовавших дам, принадлежали их собственным усопшим близким. В распоряжении членов светского общества Буффало было по нескольку изысканных платьев, предназначенных для посещения похорон и возложения горстей земли и розовых лепестков на свежеврытые могилы.

Закрытый гроб блестел, как кусок обсидиана, когда могильщики поместили труп матери Эдит в место ее последнего упокоения, прямо под обелиском, воздвигнутым для того, чтобы обеспечить вечный покой членам семейства Кушингов. Изящно изогнутые крылья скорбящего ангела обнимали поколения умерших.

Труп матери был таким черным, как будто она погибла в огне — именно так, как слышала Эдит, кухарка описа-

ла его де Витту, их дворецкому. Эдит потеряла дар речи от этого ужасного описания, но у нее не было никаких способов удостовериться в его правильности. В доме Кушингов никто не говорил с ней о ее ужасной потере — слуги мгновенно замолкали, как только девочка входила в помещение. Эдит ощущала себя привидением, которое никто не замечает, а ей был необходим кто-то, кто бы обратил на нее внимание, обнял, убаюкал и рассказал бы ей сказку или спел колыбельную. Но слуги держались от нее подальше, как будто маленькая хозяйка приносила несчастье.

Сейчас, стоя во дворе церкви, Эдит заметила Алана Макмайкла и его сестру Юнис. Алан, с его копной золотистых волос и розовыми щеками, был на год старше Эдит и ее закадычным партнером во всех начинаниях. Его серо-голубые глаза, единственное цветное пятно в церковном дворе, встретились с глазами девочки и задержались на них, как будто он взял ее за руку. Рядом с ним стояла Юнис, вертлявая и умирающая от скуки. Хотя ей было всего девять лет, Юнис уже успела побывать на множестве похорон. Все они были детьми Викторианской эпохи, в которую смерть была обыденным событием.

Но мать у Эдит была одна-единственная, и в этом заключалась вся необычность похорон, которая ставила девочку в тупик. Ее сердце разрывалось, а слезы были уже готовы пролиться, но задержались на самых кончиках ресниц. Она не имела права плакать — хорошо воспитанные дети не должны привлекать к себе внимание даже тогда, когда их мир рассыпается на мелкие кусочки. Наблюдавший за ней Алан был, казалось, единственным среди присутствовавших, кто понимал ее непереносимое горе. В его глазах сине-стального цвета тоже стояли слезы.

Юнис переступала с ноги на ногу, играя своими рыжеватыми кудряшками. Алан слегка дернул ее за руку, стараясь заставить сестру бросить это занятие, и она огрызнулась на него. Мать одарила их мудрой улыбкой, как будто не заметила вызывающего поведения дочери.

Миссис Макмайкл была все еще хороша собой и полна жизненной энергии.

Алан продолжал держать Юнис за руку. Девочка надула нижнюю губу, и ее мать засунула руку в карман шубы из соболя и предложила девочке что-то, сильно похожее на конфету. Вырвав руку у брата, девочка схватила подарок. Теперь настал черед Алана притворяться, что он ничего не заметил, а может быть, это действительно так и было. Все его внимание было сосредоточено на Эдит, по лицу которой было видно, что она с большим трудом сдерживается, чтобы не разрыдаться, — ее мама никогда больше не предложит ей конфетку, не улыбнется и не расскажет сказку.

Ее маму забрала черная холера. Страшная смерть, медленная и мучительная. Отец Эдит приказал хоронить ее в закрытом гробу и попросил дочь не смотреть на нее. Так что Эдит пришлось обойтись без прощального поцелуя и последних слов.

#

То есть до того момента, пока мама не вернулась. Через три недели после смерти.

#

Время не залечивает *все* раны.

После похорон мамы прошел уже почти целый месяц, а Эдит скучала по ней больше, чем когда-либо. Черный венки все еще висел на двери, а слуги ходили с траурными повязками. Кухарка не хотела, чтобы горничные

снимали черные занавески с зеркал. Де Витт назвал ее слишком суеверной, но кухарка ответила, что она просто старается быть *осмотрительнее*. Когда дело касается мертвых, то ни в чем нельзя быть уверенными наверняка. Например, в Ирландии дух ее тетки-девственницы застрял в зеркале в 1872 году и с тех пор не давал житья всей семье. На это де Витт возразил, что так как занавеси появились на зеркалах еще до того, как хозяйка испустила свой последний вздох, а теперь она уже давно в могиле, то она никак не могла застрять в зеркалах.

И тем не менее занавеси не убрали.

Эдит лежала в своей маленькой кровати и тихонько плакала в темноте, обнимая своего плюшевого кролика. Казалось, что с каждым днем тоска в ее сердце становилась все глубже и болезненнее. Тени от падающих за окном снежинок разрисовывали покрывшиеся пылью обложки книг, которые они — каждый вечер по несколько страниц — читали вместе с мамой. *Черная Красавица* и *Голубая Книга Сказок*. Сейчас она не могла их даже открыть.

Тиканье дедушкиных часов в конце холла напоминало удары топора, которые попадали точно между ее всхлипами. За окном ее спальни вечный снег медленно и бесшумно опускался на восточный берег озера Эри¹ и истоки Ниагарского водопада². Канал Эри³ был основой благополучия семейства Эдит. Ветер и замерзшее озеро. В ту

¹ Озеро в Канаде и США, входящее в систему Великих озер. 4-е по площади в США и 11-е в мире. — *Здесь и далее прим. перев.*

² Комплекс водопадов на реке Ниагара, отделяющий штат Нью-Йорк от канадской провинции Онтарио. Самый мощный в Северной Америке. Высота — 53 метра.

³ Канал, связывающий систему Великих озер с Атлантическим океаном через реку Гудзон.

ночь в прекрасно расположенном особняке семейства Кушингов было холодно, как и всегда после смерти мамы.

Эдит казалось, что она сама превратилась в ледышку и теперь уже никогда больше не согреется.

Интересно, а ей тоже холодно там, под землей? Эдит не могла избавиться от этой мысли, хотя ей уже десять, нет — сто раз говорили, что ее мама теперь находится в месте, которое гораздо лучше, чем их мир.

Девочка помнила, когда таким местом была ее комната: мягкий, нежный голос мамы, которая читает ей книжку, и она сама, уютно устроившаяся под одеялом с чашкой горячего шоколада и горячей бутылкой¹ в ногах.

Однажды, давным-давно....

Мама играла ей колыбельные на пианино, когда Эдит не могла заснуть.

А сегодня никакой музыки нет.

Эдит расплакалась.

Часы продолжали тикать, отсчитывая секунды, часы и ночи жизни без мамы. Бесконечные. Безжалостные. Разрывающие сердце.

А потом Эдит послышался странный звук, напоминающий одновременно тяжелый вздох и безнадежный стон. Она вздрогнула и в удивлении зажала себе рот рукой. Это она издала такой звук?

Сердце ее забило, когда, склонив голову, она стала внимательно прислушиваться.

Тик-так, тик-так, тик-так. Только звук часов.

А потом звук раздался вновь. Грустные, негромкие причитания. Шепот, полный горя. И даже... мучений.

¹ В описываемые времена в качестве грелок использовали бутылки, которые наполняли горячей водой.